

О русском сказковедении

90-х годов

Е. А. Костюхин, Пушкинский дом

В 90-е годы в России появилось несколько сказковедческих работ, заслуживающих внимания. Начнем с работы, как будто не причастной к сказковедению. Это книга Е. М. Мелетинского «Историческая поэтика новеллы» (М., 1990).

Главное направление исследований Е. М. Мелетинского — не семиотика фольклора (хотя на Западе этого ученого знают прежде всего как семиотика), а историческая поэтика, т.е. история жанров в мировой литературе. Этому посвящена его работа «Введение в историческую поэтику эпоса и романа» (М., 1986), где прослеживаются семантические сдвиги, происходящие в исторической эволюции мифа, становящегося поначалу мифологической, а затем и классической сказкой. В книге «Историческая поэтика новеллы» главное внимание уделено классической (эпоха Возрождения) и романтической (XIX век) новелле, но первая глава этого блестящего исследования посвящена новеллистической сказке. Этот жанр трактуется как следствие семантических сдвигов, происходящих в структуре волшебной сказки. Самая фундаментальная трансформация — это превращение «волшебных сил» в «силы судьбы». Прослеживается и трансформация сказочных героев в глупцов и дураков сказок анекдотических. Исследование Мелетинского лишней раз доказывает, сколь неосмотрительно связывать новеллистические сказки только с историческими обстоятельствами (скажем, народной культурой Средневековья) или с

«классовой борьбой» (сказки о духовенстве) : корни их оказываются намного глубже, чем это обычно представляется в сказковедческой литературе.

Безукоризненное владение огромным фактическим материалом, прекрасная осведомленность в достижениях мировой науки позволяет говорить об исследовании Е. М. Мелетинского как ярком явлении современной филологии. В других работах ставятся задачи более скромные, не претендующие на глобальный охват материала и на «мировую проблематику».

Волшебным сказкам и их ближайшему окружению посвящены две книги исследовательницы из Петрозаводска И. А. Разумовой: «Стилистическая обрядность русской волшебной сказки» (Петрозаводск, 1991) и «Сказка и быличка. (Мифологический персонаж в системе жанров)» (Петрозаводск, 1993). В обеих работах И. А. Разумова опирается на материал, достоверность которого не вызывает никаких сомнений: это записи севернорусских сказок в том числе архивные (более 600 текстов).

В первой работе И. Разумова, понимая под стилистическими стереотипами «все устойчивые элементы языка и стиля сказки», не ограничивается характеристикой формул, но обращает внимание и на неформульные повествовательные стереотипы. Это не лексические, а грамматические повторения: однотипные синтаксические конструкции, характерные для волшебных сказок. Естественно предположить, что все виды стереотипов в сказках обусловлены устной формой бытования. Но И. Разумова расходится с теорией Пэрри-Лорда, ища истоки стереотипов в клишированности традиционного содержания.

Этим диктуется необходимость историко-эволюционного подхода к изучению формул. И. Разумова выделяет историко-этнографические и

эстетические факторы формирования стиля сказки. Говоря о древних обрядовых основах сказочных формул, И. Разумова опирается, в основном, на исследование В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»: за каждой формулой стоят определенные этнографические субстраты. Со временем, однако, ритуальные по происхождению формулы обретают новые функции — эстетические.

Немало хлопот доставляет И. Разумовой язык. Ни историко-этнографические основы, ни клишированность содержания не оменяют главного: все стилистические знаки имеют языковую основу. К этому тезису И. Разумова возвращается неоднократно: «Устойчивые формульные конструкции основаны на моделях национального языка и художественном стремлении к симметрии...» (с. 151). Однако этнографические субстраты, к которым восходят архаические формулы, шире языковых границ, и формула «Фу-фу-фу, русским духом пахнет» это подтверждает. Конечно, ее языковое выражение с «русским духом» отвечает «модели национального языка», но совершенно очевидно, что само понятие формульности, история многих сказочных формул выходят за границы национального языка. Здесь многое прояснил бы сравнительный анализ формул разноязычных сказок.

Остается пожалеть о том, что по работе И. Разумовой трудно судить о частотности той или иной формулы, поскольку от количественной регистрации, от статистики исследовательница отказалась.

Книга о сказках и быличках побуждает по-новому взглянуть на старую проблему. В русской фольклористике сказки и суеверные рассказы рассматривались как две совершенно автономные области, с разными доминантными функциями. И Разумова исследует взаимодействие сказки с

несказочной прозой как один из путей жанровой эволюции сказки. Официальная пропаганда прежних лет утверждала, что в жизни советского человека нет места суевериям. Применительно к фольклору это означало: сказки процветают, суеверные рассказы (былички) отмирают. Вопреки этим утверждениям, современная мифологическая проза не только сохранялась, но и развивалась. И. Разумова отказывается от догм недавнего времени.

Объектом исследования И Разумовой является сказка. Никакой автономии нет: границы между сказкой и меморатом, а особенно между сказкой и фабулатом зачастую неустойчивы. Сказка может спуститься до уровня достоверного рассказа. При этом одни и те же мифологические персонажи в разных жанрах выполняют разные функции. Но И. Разумова убеждена, что жизнь сказки поддерживается актуальностью верований («представление о ведьме как сказочном типе чисто ассоциативно, и необыкновенная его устойчивость поддерживается глубокой укоренностью в европейской историко-культурной традиции» - с. 13).

Как и работа о стилистической образности волшебных сказок книга о сказках и быличках написана на материале севернорусских текстов, и все выводы тщательно документированы. Это выгодно отличает книги И. Разумовой от «массовой фольклористики» советских лет. Традиции этой фольклористики, однако, живы. Любопытна с этой точки зрения книга Т. В. Зуевой «Волшебная сказка» (М., 1993). Профессор Московского педагогического университета имени Ленина адресуется к тем, кто «интересуется историей духовной культуры». Название книги внушает надежду, что речь пойдет о волшебной сказке как феномене мировой, или хотя бы европейской культуры. Надежда эта исчезает уже на первых

страницах книги. Рассматриваются исключительно сказки восточнославянские «как самобытное явление мирового фольклора». В чем их самобытность, остается тайной за семью печатями: сравнительного анализа в книге нет. В результате создается впечатление, будто восточнославянские сказки возникали сами по себе, вне мирового контекста (хотя «некоторые образы могли проникнуть в восточнославянский репертуар вместе с заимствованными сюжетами от других народов» - с. 32, предпочтение отдано «праславянским культам»). Т. Зуева то обнаруживает в сказке «отзвуки допатриархальной свадебной этики», то видит в избушке Яги «рудимент мифологических представлений о плодородии, связывавшихся с курицей».

Сюжетообразование сказок опять-таки сводится к славянским древностям. Бой на калиновом мосту оказывается отражением охоты на мамонтов. Вообще Т. Зуева охотно пускается в мифологические изыскания, опираясь на «Поэтические воззрения» Афанасьева и работы Б. Рыбакова о язычестве древних славян. Уже в X-XII вв. сложился сказочный репертуар восточных славян.

Книжка Т. Зуевой — характерный образчик того направления в советской науке, которое отворачивалось от мировой фольклористики и знать о ней не желало. Таковы же работы о сказке и другого московского профессора - В. П. Аникина. Фантазирование вместо аргументации, опора на единичные факты, вырванные из системы, отсутствие интернационального контекста и полное неведение о том, что делается в мировой науке - вот отличительные свойства «передовой советской фольклористики».

Закончим наш обзор русского сказковедения 90-х гг.

на оптимистической ноте. «Реабилитация» русской суеверной прозы привела к появлению двух словарей, подготовленных учеными из Института русской литературы (Пушкинский дом) в Петербурге: «Русский демонологический словарь» Т. А. Новичковой (СПб., 1995) и «Новая абебега русских суеверий» М. Н. Власовой (СПб., 1995). Естественно, что данные обоих словарей отчасти повторяются, поскольку авторы используют одни и те же источники. Но в целом словари как бы дополняют друг друга. У М. Власовой обильнее использованы этнографические источники, у Т. Новичковой больше культурологической информации (особенно из лубка). Но оба словаря - надежные справочные издания исследовательского характера.

Пушкинский дом намерен переиздать классические собрания русского фольклора, многие из которых стали библиографической редкостью. Появилось одно из первых - «Великорусские сказки Пермской губернии» Д. К. Зеленина (СПб., 1997). Подготовившая это издание Т. Г. Иванова полностью воспроизвела этот сборник и сопроводила его современным сказковедческим комментарием, а также большой статьей о месте Д. К. Зеленина в истории русской фольклористики. В роли ответственного редактора издания выступил автор этих строк.